Лит. газ. – 1993 – 21 июля. – С. 5

ЛЕТИТ, ЛЕТИТ ПО НЕБУ КЛИН УСТАЛЫЙ

Как создавалась песня-реквием «Журавли»

В ПРИГОРОДЕ ВЛАДИКАВКАЗА, у селения Дзуарикау, стоит, может быть, один из самых потрясающих памятников Великой Отечественной войны. У скалы застыл скорбный силуэт Матери. А над ней парят семь журавлей.

Памятник в Осетии так и называют: «Семь журавлей». Здесь стар и млад знает также, что это не метафора, талантливо найденная скульптором. В камне на вечные времена запечатлена трагедия семьи Газдановых из селения Дзуарикау. В годы Отечественной один за другим ушли на фронт семь родных братьев, семь сыновей Таго: Созрыко, Хаджисмел, Магомет, Хасанбек, Шамиль, Дзарахмет и Махарбек.

Ушли — и не вернулись. Все они пали смертью храбрых на поле брани.

Память о них и хранит клин из семи журавлей, застывший в небе Осетии.

«Семь журавлей» — одна из святынь всех жителей республики. Не зарастает к ним тропа народной памяти. И в День Победы, и в черный день начала войны, и в будни склоняют люди головы перед жертвенным подвигом простой осетинской женщины и ее сыновей. Почтить память братьев Газдановых приезжают в Дзуарикау и гости со всех концов страны.

Много лет назад местный журналист Георгий Черчесов рассказывал мне, что вскоре после открытия памятника в Осетии гостил Расул Гамзатов. Потрясенный, он долго стоял перед ним, склонив седую голову. А вскоре было напечатано его знаменитое стихотворение «Журавли».

НА ДНЯХ я позвонил Расулу Гамзатовичу в Махачкалу и попросил его вспомнить, как рождались стихи, а потом и песня о журавлях. Гамзатов, конечно же, хорошо помнит то эмоциональное потрясение, которое он испытал, увидев памятник семи братьям. И сказал с присущей ему образностью мышления: «Это настоящая поэма в камне».—«А как ваши стихи стали песней?» — «Однажды в моем доме в Махачкале раздался телефонный звонок из Москвы. Это был Марк Бернес. Он и спел мне по телефону песню о журавлях. Это великий певец. Я его никогда не забуду. Печалит меня и его ранний уход из жизни, и уход двух других моих друзей, которые тоже участвовали в создании песни: поэта Наума Гребнева и композитора Яна Френкеля».

Живущая в Москве жена и друг Бернеса Лилия Михайловна рассказывает о том, что произошло с момента публикации стихов Гамзатова в одном из номеров журнала «Новый мир» за 1968 год до звонка Марка Наумовича в Махачкалу (диктофонная запись от 3 июня 1993 года):

«Марк прочитал стихи Гамзатова в «Новом мире» в переводе Наума Гребнева и был чрезвычайно взволнован ими. Это были прекрасные стихи. Но не те, которые стали потом текстом песни. Стихи носили ярко выраженный национальный, аварский колорит. Марк решил переделать их, придать им общечеловеческое звучание.

Он буквально заболел этими стихами. Бесконечно повторял их. Потом начал менять текст. Работал так полгода, может, даже год. Песни у Бернеса вообще рождались очень трудно. Тексту он отводил исключительно важную роль. Добивался абсолютной простоты и глубины, философичности.

Так он работал, кстати, и с Женей Евтушенко, когда они создавали песню «Хотят ли русские войны?» Эту ключевую фразу придумал сам Марк. И слова, звучащие референом: спросите вы у тех ребят; спросите у жены моей; спросите вы у тишины,— тоже Марк придумал. Он сделал как бы каркас песни, запер Женю на несколько дней в нашей квартире и сказал: пиши. Мучился сам, мучил Женю. Пока не получился текст, который удовлетворил Бернеса.

Но вернусь к «Журавлям». Написав свой вариант, он позвонил Науму, пригласил его домой и показал свой текст. Гребнев сначала был недоволен: все-таки он переводчик стихов, опубликованных в «Новом мире». Но потом решили так: позвонить Гамзатову и прочитать ему вариант Бернеса. Так и сделали. Поэт одобрил.

Марк после этого отдал текст Яну Френкелю. Ян довольно быстро написал музыку. Вот так и родилась песня «Журавли». Осталось записать ее. Бернес был к тому времени смертельно болен. Исполнить «Журавлей» публично, в концерте, ему не довелось ни разу. Всего месяца за полтора до своей кончины (шестнадцатого августа 1969 года) он успел, к счастью, записать ее на пленку для журнала «Кругозор» — издавался тогда такой.

Умирая, Марк просил меня, чтобы на его проводах не играл оркестр, а прозвучали в его исполнении, в записи, песни: «Три года ты мне снилась», «Люблю тебя, жизнь» и «Журавли». Они и звучали в Доме кино, когда мы провожали в последний путь Марка Наумовича. Песня «Журавли» стала его реквиемом».

ПЕВЕЦ УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ в пятьдесят семь лет. Но его бесподобный, несравненный голос навсегда остался в народном сердце. Он обладал немыслимой, поистине колдовской силой. Чем он полонил душу человека? Абсолютной правдой, гениальной простотой формы, искренностью и глубиной чувств.

Мучительно трудно работая над своей последней, великой песней и, очевидно, предчувствуя свой уход, художник создал шедевр, который стал неотъемлемой частью нашей духовной культуры.

«Журавли» — это реквием всем павшим в страшной войне, печальную годовщину со дня начала которой мы сегодня отмечаем. Но не только. Ее философское звучание гораздо глубже. Она — о трагической сути жизни человека вообще.

Это — песня о каждом из нас.

Это — песня о Судьбе человека. Великой и жалкой. Счастливой и проклятой.

Неповторимой.

Единственной.

Это щемящее, острое и мудрое размышление о Смерти человека, освобождении его от земных пут и растворении в вечном и прекрасном мире:

«Летит, летит по небу клин усталый — Мои друзья былые и родня. И в том строю есть промежуток малый — Быть может, это место для меня!»

Александр АЛЕШКИН.

НА СНИМКАХ: памятник семи братьям Газдановым в селении Дзуарикау Северной Осетии; поэт Расул Гамзатов, певец Марк Бернес; композитор Ян Френкель.

Мне кажется порою,
что солдаты,
С кровавых
не пришедшие полей,
Не в землю нашу
полегли когда-то,
А превратились
в белых журавлей.

Они до сей поры
с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто
и печально
Мы замолкаем,
глядя в небеса?

Сегодня предвечернею
порою
Я вижу, как в тумане
журавли
Летят своим
определенным строем,
Как по земле
людьми они брели.

Они летят, свершают
путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем
журавлиным
От века речь
аварская сходна?

Летит, летит по небу
клин усталый —
Мои друзья былые
и родня.
И в их строю есть
промежуток малый,
Быть может,
это место для меня!

Настанет день,
и с журавлиной стаей
Я полечу
в такой же синей мгле,
Из-под небес
по-птичьи окликая
Всех вас,
кого оставил на земле.

Перевод с аварского Наума ГРЕБНЕВА.

Расул Гамзатов. Стихотворения и поэмы. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2, стр. 322, Москва. Художественная литература, 1981 г.